

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

18+

ДРАКОНИЙ
СОБЛАЗН

Марина Эльденберт

Драконий соблазн

<https://litres.ru/74574298>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь рухнула в одночасье. Из наследницы древнего рода я превратилась во внучку заговорщика. Из завидной невесты — в пленницу жестокого принца, для которого я всего лишь непокорная игрушка. От его власти зависит не только моя жизнь, но и жизнь моего друга, которого я должна спасти.

Лишенная силы и магии, любой возможности себя защитить, я все равно не сдамся! Начну новую жизнь курсантом военной Академии.

План был идеальный, и у меня бы все получилось. Если бы не ректор-дракон, узнавший меня с первого взгляда. С которым мы терпеть друг друга не можем! Для которого я не просто проблема номер один, от которой нужно срочно избавиться, но и настоящий драконий соблазн.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Невеста для принца. 1	11
2	18
3	25
4	33
5	42
6	49
7	55
8	61
9	69
10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марина Эльденберт

Драконий соблазн

Пролог

Электра Эджертон

— Повтори, что ты сказала.

Повторять не очень удобно, особенно когда тебя держат за волосы. Я бы сказала, совсем неудобно, но выбора-то у меня особого нет, правда?

Несмотря на то, что мы в королевском парке, ни один из слуг, если он рискнет здесь появиться, не встанет на мою сторону. Ни один даже словом не обмолвится с другими, чтобы рассказать о том, что происходит. Потому что половина из них считает, что я свою судьбу заслужила, а вторая половина просто не рискнет что-то противопоставить будущему королю.

Захват у принца Эдриана хороший, и даже если бы я могла опрокинуть его мордой на дорожку (что крайне сомнительно в платье с кринолином), для меня это ничем хорошим не кончится. Для меня, для Кен Джу. Про деда я предпочитаю не думать, по крайней мере, пока.

— Отпустите, — шиплю я. — Или я буду кричать.

— Да на здоровье, — ухмыляется жених. — Я с удовольствием послушаю.

А все так хорошо начиналось.

Если, конечно, слово «хорошо» и моя жизнь в последнее время в принципе сопоставимы.

Это был один из тех редких дней, когда мне разрешили выйти на прогулку. Меня всегда сопровождали двое королевских гвардейцев (видимо, на случай, если я попытаюсь сбежать). Я бы однозначно попыталась, но у моего будущего мужа, чтоб ему гореть в драконьем пламени до горстки пепла, принца Эдриана, в заложниках оказался мой друг Кен Джу. Для всех он был просто моим защитником, но для меня он был еще и другом. И я не могла так подставить его.

Не могла сбежать, зная, что после этого ничего хорошего его не ждет.

Потому что Эдриан ясно дал понять (после того, как я в один из наших первых разговоров расцарапала ему лицо), что за все мои последующие выходки отвечать будет Кен Джу.

Я его ненавидела.

Я в принципе не была в восторге с первого дня, когда дед сообщил мне, что я стану женой принца Эдриана, а, впоследствии, королевой Райсвани.

— Это большая честь, Электра, — говорил он.

В гробу я видела такую честь. В белых тапках.

Но потом все стало еще хуже. Дед оказался тем, кто создал сильнейшее проклятие, которое чуть было не привело к смерти одной из сильнейших семей Райсвани, а точнее, всех ее наследников, братьев Веррес. Проклятие удалось разрушить благодаря моей лучшей подруге Айрис, которая стала истинной одного из них, но дед, когда понял, что

от нее исходит угроза, попытался ее отравить.

Ее яд случайно достался мне.

Благодаря какому-то странному чувству юмора судьбы я выжила, но потеряла свою магию и перестала быть драконес-сой, а потом я поняла, что у этой судьбы нет чувства юмо-ра. Потому что вместо того, чтобы отказаться от внучки пре-ступника, принц Эдриан забрал меня себе и сказал, что не намерен отказываться от свадьбы, потому что «Электра ни в чем не виновата».

О его милости теперь слагали легенды. Если бы все эти слагатели знали, какова его милость...

Меня забрали в королевский дворец, который стал для меня тюрьмой. Мне запрещалось выходить из своих покоев без особого распоряжения принца. Мне запрещалось гулять без особого распоряжения принца. Слава Всевышнему, мне хотя бы есть и спать разрешалось, но я подозревала, что это — исключительно потому, что Эдриан не хотел отказывать-ся от своей любимой игрушки.

А именно ею я стала.

С того самого момента, как меня забрали из величайшей милости, не было ни дня, чтобы я не мечтала о том, чтобы оказаться в тюрьме. Или в горничных. В служанках, в гувер-нантках, да в ком угодно, лишь бы не быть его невестой.

— Ты правда считаешь, что хоть кто-то согласится тебя нанять? — поинтересовался как-то Эдриан, глядя на меня сверху вниз.

Я сидела, у его ног, пока он изучал книги по военному делу. Это у него развлечение было такое: надевать на меня ошейник, поводок и листать книгу той самой рукой, в которой он был зажат. Благодаря этому меня постоянно дергало в сторону его роскошного кресла, а Эдриан этим наслаждался.

— Тебя? Внучку Эджертон? Да ни одна мать не подпустит тебя к своей дочери или сыну. Равно как ни одна экономка не согласится взять тебя горничной. Или даже половойкой. Особенно если я от тебя откажусь. Ты сдохнешь в грязи на улице. Или пойдешь по рукам.

— Вы переоцениваете свое влияние на народ, — не удержалась я.

Глаза Эдриана потемнели, он усмехнулся.

— Неужели? Насколько я понял, ни одна из твоих подруг не ответила на твое письмо.

Я предпочла промолчать.

Тем более что ни на одно из моих писем ни Айрис, ни Стелла действительно не ответили. Конечно, я могла их понять: мой дед чуть было не убил возлюбленного Айрис, а у Стеллы очень строгие и принципиальные родители, для которых все должно было быть по правилам. Или никак.

— У нас с тобой все могло бы быть совершенно по-другому, Электра, — произнес Эдриан, переворачивая очередную страницу, и меня снова дернуло в его сторону. — И ты знаешь, как это исправить.

Конечно, знаю.

В тот раз, когда я расцарапала ему лицо, мне предлагалось стать его любовницей. Не просто игрушкой, но еще и куклой для его наслаждения. Но я бы лучше умерла, чем добровольно отдалась этому монстру, о чем я ему и заявила.

Эдриан сказал:

— Посмотрим, — и с того вечера моя жизнь окончательно превратилась в кошмар наяву.

Этот день обещал быть другим, но обещания не всегда выполняются.

Уж что-что, а это я изучила на своем опыте, как никто.

— Так что, Электра? — наматывая мои волосы на кулак, поинтересовался он. — Что ты хотела мне сказать?

Ощущение было такое, что у меня сейчас не останется ни единой волосинки. Он потянул еще сильнее, и на глаза навернулись слезы. Которым я, разумеется, не позволила пролиться. Только не перед ним.

Я так устала!

Осень в этом году была поздней, и в королевском парке еще благоухали розы, аромат которых казался просто головокружительным. Я рассчитывала просто пройти в одиночестве, просто посмотреть на закат, на перья облаков, окрашенных в нежные пастельно-розовые оттенки, просто насладиться красками природы, которые вот-вот сотрут осень и зима, но у Эдриана оказались другие планы.

Потому что он снова хотел поиграть.

Он всегда сначала ослаблял поводок, давал мне надежду

на то, что можно расслабиться, а потом натягивал снова.

— Я спросила, что вам от меня нужно, — в злом бессилии вытолкнула я. — Почему вам не хватает ваших женщин, готовых ради вас на все. Всех ваших куртизанок.

О том, что у принца Эдриана куча любовниц, знала не только я. Он приглашал элитных куртизанок, он без зазрения совести тащил в постель любую понравившуюся ему придворную даму, даже если она была замужем (и не всегда по согласию). У него были свои методы воздействия на всех.

— Куртизанок, говоришь? — зло произнес Эдриан, но хватка на моих волосах, слава Всевышнему, ослабла.

Я наконец-то смогла выпрямиться и посмотреть ему в глаза.

— Что ж, с этого дня моей куртизанкой станешь ты, Электра. Мне надоело ждать.

Часть 1. Невеста для принца. 1

Электра Эджертон

Про таких как я обычно говорят: родилась с золотой ложкой во рту.

Мне повезло родиться в роду влиятельных драконов, в семье герцога. Поэтому ко мне с самого детства обращались «леди» и никак иначе. И относились соответственно.

У меня было все, что я могла пожелать: игрушки, книги, игры... Наверное, всей моей фантазии не хватило бы на то, что мой дед мог мне предложить. Возможно, весь мир. Со всем недавно дед и был для меня всем миром.

Единственное, что он не мог — это заставить моих родителей сидеть дома и выполнять свои родительские обязанности. Они увлекались магической археологией и находились в постоянных разъездах. Насколько я знала, они провели дома пару лет, но после рождения наследницы Эджертонов их снова потянуло к их страсти — «откапывать» древние города и утраченные артефакты, иногда разрушенные временем, иногда (что касается артефактов) вполне себе действующие.

Мои родители не вылезали из экспедиций: заканчивалась одна, они неслись на другой конец света, чтобы обнаружить новую сокровищницу древности. Поэтому я почти их не помнила. Последняя экспедиция затянулась на двенадцать лет, и в последнем письме они писали, что переезжают в пу-

стыню Айвен, чтобы исследовать найденный там древний город.

Сомневаюсь, что они знали, что со мной произошло.

Что произошло с герцогом Эджертоном.

Между ними и мной не было такой связи, как у нас с дедом, поэтому об их отсутствии в моей жизни я переживала разве что в самом детстве. Но потом я немного подросла и поняла, что у меня есть дед, который безумно меня любит.

Пока все леди и мисс Арминбурга, да и всей Райсвании, обучались исключительно танцам и манерам, и прочими штучкам, которые положены женщинам в высшем обществе, я учила иностранные языки, занималась боевыми искусствами и работала с дедом в его лаборатории, где он создавал зелья и артефакты. В поместье Эджертонов она была огромная, напоминающая волшебную пещеру алхимика из сказок, даже больше, чем рабочий кабинет герцога.

Впрочем, дед начал пускать меня туда только после того, как мне исполнилось десять. До этого он говорил:

— Среди различных зелий в баночках и пробирках есть ядовитые, поэтому ребенку тут не место, — и оставался непреклонен в своем решении.

Это был первый раз, когда мы с ним серьезно поссорились.

Зато когда я стала ему помогать, кажется, именно тогда я решила, что поступлю в Королевскую академию артефакторики.

Для аристократки это было смело и претенциозно, но для леди Эджертон были открыты абсолютно все двери высшего света. Не говоря уже о какой-то академии. Пусть даже и самой лучшей в стране.

Я готовилась к поступлению несколько лет. Дед нанимал для меня лучших учителей и магистров. Я собиралась поступить на факультет боевой артефакторики и закончить его с отличием, как мой отец и все герцоги Эджертоны до меня. Меня не останавливало даже то, что это факультет был закрыт для женщин на протяжении долгой истории всей академии.

Но я не была обычной женщиной.

Я была драконессой, которая росла с мыслью, что станет гордостью рода. Той, кем будут гордиться потомки.

Я не учла того, кто окружающий мир видел во мне женщину, единственный смысл существования которой — продолжение рода и воспитание детей. Более того, как оказалось, мой любимый дед, считает так же.

— Тебе придется поступить на факультет магинженерии, Электра, — заявил он мне за одним из ужинов, когда я с восторгом рассказывала о своих планах на боевой. — Для леди недопустимо учиться на боевом и сражаться с драконами.

— Но я готова не просто сражаться с ними, а побеждать! — возразила я.

— Что тем более неуместно. Особенно для будущей королевы Райсвани.

Моя вилка непозволительно громко скрежетнула о тарелку.

— В каком смысле, королева, дедушка?

— Ты выйдешь замуж за принца Эдриана, Электра, — объявил дед тем тоном, которым обычно сообщал радостные новости.

Но я ни капли не обрадовалась.

Несмотря на то, что мне уже исполнилось восемнадцать, я не участвовала в брачной ярмарке в качестве девицы на выданье. Но я видела принца мимолетно, когда он бывал в гостях у моего деда, пересекалась с ним на балах, на которых нельзя было не присутствовать, и однажды даже удостоилась чести танцевать с его высочеством.

Я прекрасно помнила его ледяные глаза, его ладони, которые, казалось, забирают у меня весь свет и тепло. Весь огонь моей драконессы! Но дело было даже не в моих ощущениях. Мне хватило одного нашего танца, чтобы понять, что этот мужчина привык всех подчинять, а я не привыкла подчиняться.

— Ваш дед сказал, что вы хотите учиться.

— Я учусь всю свою жизнь, ваша высочество, — ответила я, старательно улыбаясь, чтобы не расстраивать дедушку.

— И в чем смысл? Вы же женщина.

— В том, что у женщин тоже есть мозги. Я привыкла использовать все, что даровала мне природа.

— Природа позаботилась о том, чтобы женщина была под

мужем.

Он сказал «под мужем», а не «за мужем». Это было уже неприлично.

Я подавила рвущееся наружу рычание.

— Природа здесь ни при чем. Я считаю, что об этом позаботились мужчины.

— А ты дерзкая, — рассмеялся принц. Только от его смеха у меня мурашки побежали по спине. Эдриан был красивым, но меня не трогала его красота. Я бы никому и ни за что в этом не призналась, но он меня пугал с самой первой встречи. — Мужчины правят миром, леди Эджертон, нравится тебе это или нет. Тебе стоит помнить свое место. Как и о том, что драконессам тоже можно подрезать крылья.

К счастью, танец прекратился раньше, чем я высказала принцу все, что я о нем думаю, и тем самым учинила скандал. Впрочем, для себя я решила, что если его величеству захочется снова пригласить меня, я прикинусь хромой, но танцевать с ним больше не буду.

Я считала, что дед поддержал меня в моем решении учиться и не настаивал на замужестве, потому что не хотел меня торопить с выбором мужа. Оказалось, что он уже сам все за меня решил!

— Отмени помолвку! — воскликнула я. Хотела сделать это спокойно, но мой голос все-таки дрогнул. — Я не стану его женой.

— Станешь, и это не обсуждается, — отрезал дед.

У меня пропал дар речи, потому что все, что касалась меня, мы так или иначе всегда с ним обсуждали. К счастью, пропал не навсегда.

— Что значит — не обсуждается? Тебе не кажется, что мое мнение при выборе мужа должно как минимум учитываться?

— Ты станешь королевой, Электра, — возразил дед, словно я была маленькой капризной девочкой, которая не понимала, что лекарство горькое, но полезное. Принц Эдриан горчил, но никакой пользы от его роли в моей жизни я не видела. — Не это ли мечта всех женщин нашего королевства?

Я знала как минимум двух женщин, которые кроме меня не мечтали о его высочестве, хотя уверена, их было гораздо больше. Мои подруги — Айрис и Стелла, девочки, с которыми я познакомилась на вступительных экзаменах в Королевскую академию артефакторики. Айрис встретила своего дракона, кто-то из братьев Веррес станет ее истинным. Стелла была помолвлена со своим женихом с детства, но не горела желанием выходить замуж.

Как и я.

— Он собирается подрезать мои крылья!

— Не говори глупостей, Электра! Принц с тебя будет пылинки сдувать. Я об этом позабочусь.

Я собиралась разорвать помолвку с принцем, пусть даже это бы стоило мне моих доверительных отношений с дедом. Я верила, что он любит меня, а значит, поймет.

Но очень скоро я поняла, что не было никакого доверия, да и любви тоже не было.

Я оказалась просто пешкой в руках алчного герцога Эд-жертна, желающего приблизиться к трону. А после того, как деда арестовали, от меня отвернулись мои подруги, весь высший свет, все общество. Ко всему прочему, я действительно потеряла свои крылья и превратилась в марионетку принца Эдриана, который наконец-то нашел способ подчинить меня себе.

Электра Эджертон

— Не могу понять, с чего вообще его высочеству пришло в голову такое...

— Ой, да что только не приходило в голову его высочеству.

Служанки противно захихикали. Меня никто не стеснялся: я уже давно поняла, что во дворце, что в королевском, что в личном дворце принца, находящемся неподалеку от Арминбурга, куда меня привезли буквально пару часов назад, мое место примерно между кухонной утварью и кладовой мышью.

Обо мне говорили все что угодно в моем присутствии. За-молкали только если появлялся Эдриан, и вот тогда мышами становились уже они. Дрожащими и жмущимися к стенам, боящимися последнего удара ботинком.

Временами мне было даже интересно: прими я условия его игры, где будут все те, кто смеялся за моей спиной и указывал пальцем?

А впрочем, я догадывалась, что в высшем свете обо мне говорят и похуже. Но в высшем свете я не появлялась.

«Мисс Эджертон взяла аскезу и не появится в обществе до нашей свадьбы. Я решил не настаивать».

Такова была официальная версия.

Я могла бы попытаться ее опровергнуть, но в подземельях Эдриана сидел Кен Джу.

Повернувшись к зеркалу, я изучила свое отражение. На мне было роскошное кремово-золотое платье, больше похожее на фривольный пеньюар, только с корсетом. Слишком открытые плечи, бесстыдное, слишком глубокое декольте. Рукава, представляющие собой переплетения золотых нитей и бусин с кусочками полупрозрачной ткани, полностью обнажали руки. У платья не было кринолина, зато были разрезы, открывающие мои бедра при ходьбе. Про чулки, которые меня заставили надеть, я вообще молчу.

Помимо прочего, на моем лице был вульгарный макияж, превративший меня в куклу... или в ту самую куртизанку. Хотя элитные куртизанки не делали такой макияж. Я выглядела дешево.

Но мне было все равно.

Если Эдриану не понравится, я буду счастлива.

Его шаги я слышала даже сквозь бормотание перешептывающихся девиц. Они перепуганно замолчали, когда скрипнула дверь, чинно сложив руки на передниках и опустив головы.

Как будто только что не обсуждали пристрастия принца во всех подробностях. Я все слышала. Но я никогда никому ничего не рассказывала: возможно, в этом была моя проблема. Если бы я обеспечила проблемы кому-то из них, остальные бы поостереглись, но я не хотела.

Не хотела вымещать свою злость и бессилие на тех, кто не может мне ответить.

Потому что тогда я буду ничем не лучше Эдриана.

Он подошел ко мне, остановился рядом и его брови знакомо сошлись на переносице.

— Что это? — спросил он, и одна из служанок, не поднимая головы, сдавленно пробормотала:

— Вы же просили сделать яркий макияж, ваше высочество...

— Я просил сделать яркий, а не размалевать ее как дешевую куклу.

Ну хоть в чем-то мы с ним сходимся.

— Так, по вашему, должна выглядеть моя невеста?

Девушки одновременно побелели.

— Я задал вопрос.

От его тона всегда шел мороз по коже, в его присутствии я всегда ощущала этот дикий холод. Как будто он не дракон, а какая-то подземная тварь. Потусторонняя, из ледяных демонических чертогов, куда попадают грешники.

— Простите, ваше высочество, мы все переделаем...

— Мы все исправим...

— Разумеется, исправите, — перебил Эдриан. — Обе лишены жалованья за этот месяц. Пошли вон!

Служанки вылетели из комнаты, а он повернулся ко мне.

Я встретила его взгляд, вздернув подбородок.

Не сказать, что спокойно — это мужчина реально умел

напугать до жути, еще и потому, что я никогда не знала, что у него в голове. Говорят, что ко всему можно привыкнуть, но к Эдриану я привыкнуть не могла.

К его жестокой спонтанности.

Ко всему, что он творил.

— Тебе нравится?! — поинтересовался он, разворачивая меня лицом к зеркалу, как будто я сама этого захотела. — Нравится?!

— Мы уже давно с вами выяснили, что главное, чтобы нравилось вашему высочеству, — ответила я. Не сумела сдержать сарказм. И злую улыбку.

Лицо Эдриана исказилось от ярости, он схватил меня за плечо, вздергивая на ноги, и потащил за собой.

Я не успела даже вздохнуть, как оказалась в ванной. Принц открыл кран, схватил первое попавшееся полотенце и сунул его под воду, а после это полотенце прилетело мне в лицо.

— Умывайся! Смой с себя эту дрянь, и чтобы через пять минут была в комнате.

Он вышел и гроыхнул дверью так, что я вздрогнула. Полотенце шмякнулось на пол, перепачканное в черном и красном, и точно так же выглядело мое лицо. Как будто на картину плеснули краской, и черты лица поплыли. Я сунула руки под воду и принялась остервенело смывать с себя остатки макияжа.

Краска отказывалась поддаваться, кожа уже горела, но,

когда я закончила, к счастью, на моем лице не осталось ни грамма помады, туши и румян.

Глубоко вздохнув, я вытерла лицо чистым сухим полотенцем, швырнула его на тумбочку и вышла к Эдриану. Он развалился в кресле, и я ничуть не удивилась тому, что он сказал:

— Ты. Опоздала.

— Я не...

— Ложись на кровать.

Я вздрогнула. Нет, я знала, что рано или поздно меня ждет то, что... то, что он сказал. Но я надеялась, что это случится после свадьбы. Или не случится вовсе.

Никогда.

— Что застыла, Электра? Или тебе напомнить, кто в любой момент может оказаться в соседней камере с твоим дедом? Только в отличие от него, его будут допрашивать не как аристократа. И определенно казнят.

— Я хочу увидеть Кен Джу.

Эдриан вздернул бровь.

— Я сделаю все, что ты скажешь, но я хочу увидеть его.

Он усмехнулся.

— Ты совершенно не в тех условиях, чтобы торговаться, Электра. Хотя... кажется, ты отлично вжилась в роль. Ну что же, я согласен, если мне понравится. А чтобы мне понравилось, ты должна постараться. И не лежать бревном. Понимаешь?

К лицу прилила краска. Несмотря на то, что я старалась не обращать внимания на его слова, на то, что он пытается меня унижить, я все равно не смогла сохранить равновесие. Просто потому, что я...

Я умела драться: Кен Джу учил меня себя защищать.

Я никогда не пасовала в словесных дуэлях.

Но я мало что знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной. Дед не проводил со мной беседы о таком, а больше мне рассказать было некому. У меня не было замужних подруг.

Я могла только рассматривать картинки в книге, которая была в дедовской библиотеке. Картинки, показывающие, как мужчина и женщина могут... гм, сплетаться в объятиях.

Иногда, рассматривая их, я даже не понимала, как они вообще так могут.

Но все это была лишь теория, которую я совершенно не понимала.

И уж точно не хотела такой практики с Эдрианом!

— Хм... хотя ты наверняка ничего не умеешь, — он прошелся взглядом по моей фигуре, — но в этом есть своя прелесть. Ложись!

Несколько шагов до кровати дались мне с таким трудом, словно я только-только училась ходить. Мне казалось, что мои ноги — в ужасно неудобных узких туфельках на каблуке выше пристойного, вязнут в густом ворсе ковра. Впрочем, возможно, так оно и было.

Опустившись на кровать, я вцепилась руками в атлас покрывала, и Эдриан, поднявшись, приблизился ко мне.

Он грубо опрокинул меня на спину, развел руками бедра, его ладони прошлись по чулкам и выше, а взгляд стал совершенно звериным.

— Смотри на меня, — приказал он, задирая мне платье, хотя там и задирать-то было особо нечего. — И не вздумай закрыть глаза!

Электра Эджертон

Сколько я себя помнила, Кен Джу всегда был рядом. Для всех остальных он был моим телохранителем, тенью следовавшим за мной. Нянькой для избалованной внучки герцога.

Но все они не знали, что нимаец буквально заменил мне родителей. Кен Джу стал мне старшим братом и другом. Он учил меня своему языку, боевым искусствам и медитации. Ближе него и деда у меня никого не было.

Только любовь герцога Эджертонна оказалась фальшивкой, благодаря которой мы с Кен Джу очутились в темнице. Разницы была лишь в том, что моя была из золота и шелков. Вот только мне достался надсмотрщик-садист, и я лишь могла надеяться, что моему нимайскому другу повезло немного больше.

Когда Эдриан впервые притащил меня во дворец и заявил, что я должна быть послушной куклой, иначе он принесет мне голову Кен Джу на нимайским фарфоре, я потребовала доказательств того, что друг жив.

Последний раз я видела Кен Джу, когда гвардейцы схватили его и запихали в черный экипаж. Потребовалось двенадцать человек и боевые артефакты, чтобы это сделать — мало кто мог противостоять мастеру нимайских боевых искусств.

Эдриан тогда принес мне срезанную с плеча Кен Джу та-туировку — один из нимайских иероглифов, означающих стойкость духа. А у меня тошнота подкатила к горлу при виде запекшейся крови на куске кожи, хотя я никогда не причисляла себя к пугливым.

— Откуда мне знать, что он жив? — прохрипела я.

— Ниоткуда, — растянул губы принц. — Ты можешь поверить мне на слово. Или проверить, что я всегда его держу.

Я даже не сомневалась, что он с удовольствием прикончит Кен Джу у меня на глазах. Драконий отросток!

Но после того, как Эдриан удовлетворил свою похоть, я решила поймать его на его же слове.

— Ты обещал, что я увижу Кен Джу, — напомнила я, когда он перестал стонать и хрипеть на мне и откатился в сторону.

Я бы предпочла, чтобы он хрипел не от удовольствия, а от удушения. Но Эдриан — дракон, а я драконесса без капли магии. Поэтому любая бы попытка его прикончить, как минимум его развлечет, как максимум — подпишет мне смертный приговор.

И не только мне.

— Я обещал сделать это, если мне понравится, — лениво напомнил принц, прикрывая глаза. Его грудь тяжело вздымалась, а на губах играла блаженная улыбка.

— Вам понравилось.

Он открыл глаза и снова навис надо мной, а я подавила

желание отползти.

— Ночь еще не закончилась, моя безумно дорогая шлюшка, но утром, так уж и быть, я дам тебе повидаться с твоим верным сторожевым псом.

Кен Джу начал учить меня боевому мастерству с пяти лет. Тогда оно даже не было боевым. Просто смешные движения, похожие на танец. Дед не воспринимал это всерьез, но для меня это постепенно стало важной частью моей жизни.

Я бы могла скрутить Эдриана в два счета. Будь во мне магия, у меня бы даже получилось. Вероятно.

Но жизнь Кен Джу не стоила моей вендетты или поруганной чести.

Поэтому я сделала то, чему еще научил меня мой нимайский друг — погрузилась в транс. Нимайские воины использовали его во время сражений. В трансе не было боли, не было ненависти, ты вообще не испытывал никаких чувств.

Это единственное, что сейчас защищало меня от Эдриана и его садистских желаний. Потому что то действие, что происходит между мужчиной и женщиной, мне совершенно не понравилось.

Кажется, в какой-то момент я просто выключилась, как артефакт, у которого закончился заряд, а когда очнулась, горничная, стоящая возле постели с брезгливым лицом сказала, что его высочество велел сопроводить меня в подземелье.

Мне в голову пришла циничная мысль, что, возможно, я

рано радуюсь, и Эдриан просто решил посадить в темницу меня. Не может же он держать Кен Джу здесь, прямо в этом дворце?

Оказывается, может, потому что после того, как я наспех приняла ванну и облачилась в собственное *нормальное* платье, горничная отвела меня ко входу в подземелье. У тяжелых кованых дверей дежурили стражники, они даже не поприветствовали меня, один из них просто кивнул мне и велел следовать за ним.

Узкая каменная лестница вела вдоль стены, а затем перешла в широкий длинный коридор, освещаемый лишь артефактом-лампой, которую нес страж. Именно благодаря ее тусклому свечению мои глаза не сразу привыкли к полутьме, а когда привыкли... Я с ужасом осознала, что это настоящая тюрьма.

По обе стороны от коридора располагались клетки.

Грязные, лишенные окон, клетки. Пустые, если не считать крыс, которые разбегались от звуков наших шагов и приближения источника света.

Здесь было ощутимо холодно, но поежилась я от самой атмосферы этого места.

Но в следующий миг позабыла вообще обо всем.

Потому что мы дошли до самого конца тюрьмы, и страж повесил лампу на специальный крюк. В этот момент я увидела *его*.

— Кен Джу! — Я бросилась к клетке, прижалась к пру-

тъям, и за долгие годы моей жизни мне впервые захотелось разрыдаться. Пришлось закусить до боли щеку, чтобы этого не сделать. Я никогда не плакала, и сейчас не буду!

Потому что мой друг выглядел очень плохо. Как истинный нимаец, Кен Джу всегда следил за гигиеной, сейчас его волосы спутались от грязи, на коже запеклась кровь, вокруг глаз залегли синяки.

В моем учителе всегда был внутренний свет, но сейчас его словно погасили. Что неудивительно, если его держат в этом безумном месте несколько месяцев!

— Леди Электра? — Он удивленно заморгал, приблизился ко мне и спросил на нимайском: — Что вы здесь делаете?

— Что значит, что я здесь делаю? — ответила я на его родном языке. — Я пришла к тебе!

Я сжала его холодные руки в своих ладонях.

— Вопрос в другом: какую цену вы заплатили, чтобы *гонхор* позволил вам увидеть меня?

Кен Джу в проницательности не было равных, а в «гонхорах», мерзавцах, наделенных властью, он разбирался и того лучше. Один из них буквально подарил его моему деду. Конечно, стоило Кен Джу оказаться на территории Райсвани, герцог официально освободил его от рабства и предложил отличное жалованье. Но в своей родной стране нимаец был лишен права выбора.

Краска плеснула мне на лицо, и я впервые порадовалась, что освещение в подземелье оставляло желать лучшего.

— Цена не важна, — покачала я головой. — Я приложу все усилия, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Гонхор меня не отпустит, леди Электра. Вы знаете. Они хотят, чтобы я признался в том, что я помогал герцогу.

— Но ты не помогал! — возразил я.

— Не помогал, — кивнул Кен Джу. — Но это не имеет значения. Как и то, что будет со мной. Важно то, что будет с вами, Лун Джу.

Мне пришлось сморгнуть слезы, потому так он называл меня в детстве. Это было моим нимайским именем.

Жемчужный дракон.

— Я больше не драконесса, Кен Джу. Больше нет. Яд полностью выжег мою магию.

— Дракон — это путь, леди Электра. Им невозможно родиться. Истинным драконом можно только стать. Гонхору никогда не стать драконом. Не позволяйте ему себя укротить.

Я вытолкнула из себя грустную улыбку. Что бы сказал Кен Джу, узнай он, чем именно я расплатилась за встречу с ним? Но, вернись я в прошлое, поступила бы так же, только чтобы увидеть его, узнать, что он жив.

— Не позволю, мастер, — пообещала я, покосившись на стража. Насколько высоки шансы, что он знает нимайский? Поэтому я подалась вперед и горячо зашептала: — Я сделаю все, чтобы вытащить нас отсюда, Кен Джу. Я найду способ сбежать.

Он прищурил свои раскосые глаза и попросил меня:

— Пообещайте сбежать, Лун Джу, как только вам представится такая возможность. Обратитесь к своим друзьям. Все объясните им, они поймут.

— Вряд ли, — я мотнула головой. — Они считают меня чудовищем.

Кен Джу склонил голову на бок.

— Так сказали они?

— Они ничего не сказали, даже не ответили на мои письма.

— Но если все же кто-то захочет, не отказывайтесь. Знание, что вы на свободе, скрасит мои последние дни.

— Нет! — яростно прорычала я. — Я никогда тебя не брошу! Мы сбежим отсюда вместе, или никак!

— Пообещайте, — спокойно повторил нимаец. — Жемчужный дракон должен жить на свободе, бороздить небеса. Дракон, лишенный неба, зачахнет. Вы должны жить, Лун Джу. Поэтому поклянитесь, что в первую очередь будете думать о себе.

Я готова была поспорить.

Я готова была с ним поругаться.

Но осеклась под спокойным взглядом своего учителя.

Он, как никто другой, знал цену свободы. Рожденный рабом, он не желал этого для меня, он даже не боялся умереть ради моей свободы.

Осознавать это было больно, но ощущение этой боли как

раз напоминало мне, что я еще жива. Что я еще можно все исправить и изменить.

— Я обещаю сделать все, чтобы освободить нас, — я закрыла глаза и добавила: — И я...

— Свидание окончено! — страж отлепился от стены и грубо схватил меня за плечо. Мое тело сработало на инстинктах, едва уловимая подсечка, и он оказался на грязном полу. Мое платье — без кринолина и корсета, позволило это сделать.

— Я леди Эджертон, — напомнила я мужчине. — Не смей больше ко мне прикасаться. И, если не хочешь, чтобы его высочество отрубил тебе ненужные конечности, то не вздумай никому на меня жаловаться.

Он быстро подскочил, с ненавистью впился взглядом в мое лицо, но его тон стал более вежливым:

— Время истекло. Возвращаемся, леди Эджертон.

— Так лучше, — кивнула я и повернулась к другу: — Я вернусь, Кен Джу. Пожалуйста, продолжай в меня верить.

Наша встреча изменила меня.

Шагая по коридору подземной тюрьмы я больше не думала о страхе. Я думала о драконах.

Кен Джу прав, дед с Эдрианом подрезали мои крылья, но я не перестала быть драконессой.

А драконесса, которую лишили неба, самая целеустремленная женщина в мире.

Электра Эджертон

Целеустремленность помогала мне не сойти с ума. Потому что Эдриану понравилось наше времяпровождение, и он развлекался со мной время от времени. Чаше, чем с кем бы то ни было, если судить по его визитам ко мне. Но реже, чем мог себе позволить, потому что у наследного принца были обязанности.

Например, присутствовать с отцом на учениях. Или даже проводить их. Выступать в парламенте. Учиться решать проблемы, которые предстояло решать, когда он взойдет на престол. Хотя я искренне надеялась, что этого не произойдет, потому что такой правитель не должен стоять у власти.

Увы. Похожий уже стоял.

Еще в первый месяц моей жизни во дворце я просила о встрече с его величеством, чтобы попросить о снисхождении (читай, убрать его сына от меня), но получила ответ, что снисхождение — это то, что я сейчас жива, не сижу в застенках, и в целом я должна целовать Эдриану ноги за то, что он согласился меня принять.

Из чего я сделала вывод, что где отец, там и сын.

Поэтому когда рано утром меня неожиданно растолкала одна из... фрейлин ее величества, я спросонья даже не поняла, что происходит. Осень уже вступила в свои права, све-

тало гораздо позднее, но фрейлина, которая стояла рядом с моей постелью со свечой, сообщила, что если я хочу встретиться с ее величеством, мне надо поторопиться.

Потому что буквально через час проснутся слуги, и во дворце закипит жизнь, а о нашей встрече не должен знать никто.

Я отправляла запросы об аудиенции несколько раз, и когда Эдриан узнал об этом впервые, он был в ярости.

— Я всего лишь хотела просить о возможности встречаться с ее величеством и проводить время в женском обществе, — сказала я.

Хотя на самом деле, разумеется, я хотела просить о другом.

Я хотела просить ее величество посодействовать мне в том, чтобы я могла если не обрести свободу в полном смысле этого слова, то обрести свободу от Эдриана.

— Женское общество? — недоверчиво прищурившись, поинтересовался он, а потом расхохотался: — У тебя будет общество, когда ты станешь моей женой. А до этого ты будешь исключительно в моем обществе. Впрочем, если мать захочет с тобой видаться, я возражать не стану.

Я с трудом сдержалась, чтобы не швырнуть его на пол, как того стражника. Вероятность того, что Эдриан следом швырнет меня, а после еще и накажет — не меня, а Кен Джу, была высока. Принц обучался военному делу, владел и боевыми техниками, и боевой магией, поэтому я вряд ли могла позво-

лить себе такую роскошь. Но даже если бы я его придушила, с концами, я бы только навредила себе и своему другу.

К счастью, Эдриан фактически дал мне разрешение постоянно писать его матери, и я не преминула этим воспользоваться. Я писала ей каждый день, но ее величество Алианна раз за разом отказывала мне в аудиенции.

И мне не оставалось ничего другого, кроме как пробовать снова и снова. Я читала книги, тренировалась, чтобы не сойти с ума, но с каждым днем надежда таяла, как пирожное с жирным кремом на солнце. Потому что во дворце у меня не было друзей.

У меня не было никого, к кому я бы могла обратиться за помощью.

Кроме ее величества. Она ведь тоже женщина! Она должна меня понять.

Поэтому когда фрейлина произнесла эти слова, я вскочила с кровати, и сна у меня не было ни в одном глазу. Я оделась, как привыкла в последнее время, сама, с такой скоростью, что мне могла бы позавидовать проспавшая горничная.

И поспешила следом за фрейлиной, которая вела меня по коридорам дворца.

Пламя от свечи прыгало, пока мы шли, тени метались по стенам, а я думала только о том, что ей скажу. Я так долго готовилась к этому разговору, столько раз прокручивала его в голове, но сейчас все мысли словно разбежались.

Фрейлина открыла передо мной дверь, и я шагнула в го-

стиную ее величества, и присела в реверансе.

— Оставьте нас, — произнесла королева Алианна, за моей спиной зашуршала дверь, и мы с ней действительно остались наедине.

Ей было чуть больше сорока, и выглядела она не как обычно на приемах: светлые волосы были заплетены в косу, поверх длинного ночного платья был шелковый халат. Она сидела на диване и кивнула мне, чтобы я подошла.

— Я понимаю, почему ты хочешь со мной увидеться, — без предисловий начала ее величество. — Я хорошо знаю своего сына. Он умеет быть жестоким. Так же, как и мой муж.

Она сложила руки на коленях и пристально посмотрела на меня.

— Если ты понимаешь, о чем я говорю.

Я понимала. Понимала прекрасно, но... неужели ее муж так же вел себя с ней, как Эдриан со мной? От шока я даже не сразу нашлась, что сказать, а королева тем временем продолжала:

— Понимаю, ты хочешь попросить о помощи. Ты хочешь, чтобы я как-то повлияла на своего сына. Но проблема заключается в том, что я не могу. Я такое же украшение дворца для своего мужа, такая же игрушка, как и ты для моего сына. Наилучшим вариантом сейчас для тебя будет просто смириться и позволить ему наиграться.

Я не успевала приходить в себя от того, что она мне го-

ворила. Поэтому и не вставила ни слова. К счастью. Потому что мне было что сказать, а перебивать ее величество... не стоило.

— Но есть и хорошие новости. Пока ты нужна Эдриану, он никому не позволит причинить тебе вред. Мой муж собирался казнить и тебя, и твоего деда, и вашего слугу. Того, который постоянно был с вами...

— Кен Джу, — автоматически произнесла я.

Королева не стала даже повторять его имя.

— Так вот, Эдриан настоял на том, чтобы ты была с ним. Именно благодаря ему вы все до сих пор живы. Поэтому смились с тем, что происходит, будь покорной, будь ласковой, постарайся ему угодить. Чем больше ты сопротивляешься, тем сильнее это его распаляет. Поверь, жертва, которая не шевелится, зверю не интересна. Он с большим удовольствием найдет себе другую.

Когда я шла сюда, я представляла десятки самых разных вариантов, как может пойти наш разговор. Я думала о том, что королева может на меня накричать, может меня выставить, обвинить в неблагодарности, пожаловаться Эдриану... но я не думала, ни в одном из вариантов, что она посоветует мне смириться. Просто принять как данность тот факт, что он использует меня как игрушку, как куклу, с которой может делать все... все, что захочет!

Я не представляла, что такое может сказать женщина... другой женщине!

Да, у меня не срослось с Айрис и Стеллой, и я понимаю, почему, но я даже представить не могла, что мои подруги могли бы посоветовать покорно принять участь постельной игрушки, девочки для битья.

— Вы... предлагаете терпеть это всю жизнь? — Мой голос дрогнул.

— Я предлагаю это принять как часть твоей жизни. Это всего лишь ее часть, — Алианна посмотрела на меня в упор. — Помимо этого будут балы, красивые наряды, выходы в свет и путешествия...

— В золотой клетке, — вырвалось у меня. — Куда бы я ни поехала, я все равно буду зажата в тисках, за прутьями, из-за которых мне никогда не вырваться. Все будет зависеть от воли Эдриана. От решения Эдриана. От...

— А ты как хотела? — раздраженно поинтересовалась Алианна. — Ты родилась не простолюдинкой. Или ты думаешь, что любой другой мужчина из высшего света ведет себя иначе? Вот уж не думала, что встречу такую наивность.

Я, готовая уже продолжать, осеклась.

Потому что поняла, что я все равно ничего не смогу исправить, ничего не смогу ей доказать. Ни о чем не смогу попросить. Много лет назад Алианна выбрала для себя такую жизнь, и ее все устраивает.

Она ничего не хочет менять.

— Я приняла тебя рано утром, чтобы о нашем с тобой разговоре не узнал мой муж. Пока они с Эдрианом на учениях

в обновленной академии Адансхейл, а слуги спят. Но больше не пиши мне и не ищи со мной встреч. Равенард до сих пор к тебе не благоволит из-за твоего деда, и если он узнает, лучше никому из нас не будет.

Академия Адансхейл.

Военная Академия.

— Обновленная? — Я уцепилась за это слово, как за спасательный круг.

— Да. А что?

— Почему обновленная?

— Ей повезло. Она загнивала, большая часть замка была разрушена, но попечительский совет собрался, обсудил ее участь и решил, что нашим воинам будет полезно обучаться на Севере, в суровых условиях. Замок полностью восстановили, теперь там учатся не только дети военных преступников, но и аристократы. Я не особо вникала, и тебе не стоит, это мужские дела. Лучше послушай моего совета, и Эдриан забудет о тебе через полгода...

Она говорила что-то еще, но меня как будто выкинуло в свою собственную реальность. Да, военная академия — не то, чем стоило интересоваться леди, но, надо признаться, я никогда не была нормальной леди.

Адансхейл была той самой академией, которая изначально была фортом, я знала про нее от деда, знала, что она находится на Севере, так далеко от столицы, как только можно.

А моей любимой книжкой была история нимайской прин-

цессы, которая, чтобы избежать политического брака, сбежала из дворца и стала воином. Ее не могли найти долгие годы, а когда нашли, она дослужилась до генерала.

Все это промелькнуло перед моими глазами, складываясь в определенную картину, не имеющую ничего общего с моей настоящей реальностью.

Но если честно, я сама не хотела иметь ничего общего с моей настоящей реальностью.

Я умею драться.

Я смогу выжить на Севере.

— Благодарю, ваше величество, — я присела в реверансе, — вы мне очень помогли.

Алианна разулыбалась:

— Вот и замечательно. Пойми меня правильно, Электра. Ты чудесная девушка, но мне не стоит портить отношения с мужем. Возможно, когда состоится ваша с Эдрианом свадьба, все изменится, но пока не пытайся больше со мной увидеться.

Я склонила голову и вышла. Фрейлина дожидалась меня за дверью, чтобы проводить и убедиться, что я никуда не денусь по пути до своей комнаты.

Сбежать из дворца для меня была не проблема: я отлично лазила по стенам и уже высчитала все смены гвардейцев, начиная от стен дворца и заканчивая главными воротами.

Проблема для меня заключалась в том, как сбежать вместе с Кен Джу.

И как «поступить» в Адансхейл. Где Эдриан точно не станет меня искать.

Базиль Веррес

У него было несколько причин принять предложение короля отправиться на Север и стать ректором академии Адансхейл.

Во-первых, он всю свою жизнь провел в столице рядом с братьями. Их проклинали еще в детстве, поэтому у них был один дракон на троих. Когда дракон оборачивался, Верресам приходилось находиться буквально в шаговой доступности друг от друга, в противном случае их ждала не самая приятная смерть. По этой причине братьям приходилось жить в одном особняке, совместно вести светскую жизнь, Базиль даже пошел преподавать в Королевскую академию артефакторики следом за Адареном.

Когда проклятие было снято, а Базиль обрел собственного дракона, он почувствовал свободу. Наконец-то он мог отправиться куда угодно. В одиночестве. Строить свою жизнь, как захочется ему.

Ощущение свободы пьянило.

Как средний брат, он устал быть на вторых ролях и собирался начать все с нуля.

Во-вторых, пока он преподавал в КАА, понял, что ему это действительно нравится. Правда, факультет боевой артефакторики не раскрывал в полной мере его военное мастерство.

Хотя все студенты на нем были военнообязанными, многие из них по большей части работали в лабораториях. Базиль мечтал о том, чтобы обучать будущих солдат и офицеров.

Когда он получил королевское предложение стать ректором Адансхейла, развивать ее как учебное заведение, которое будет ковать в своих стенах воинов, это выглядело как идеальная должность для него.

Третьей причиной покинуть Арминбург была Айрис, невеста его брата. Из-за проклятия Базиль в какой-то момент поверил, что Золотко его истинная. Ни к одной из женщин он не испытывал такой нежности и желания защищать. В итоге получилось так, что все это он сам себе придумал и обманулся. Золотко выбрала другого, а Базилю было неловко находиться рядом с ней.

Он вообще хотел сосредоточиться на службе короне и создании лучшей военной академии в Райсвании. Поэтому то, что Адансхейл была мужской академией, было только ему на руку. Никаких отвлечений в виде хорошеньких студенток, никаких балов и светских раутов, только холод и испытание собственной стойкости.

А если тело захочет страсти, всегда можно обернуться драконом и слетать в соседний городок. Все же Базиль собирался управлять военной академией, а не уходил в монастырь!

Веррес все продумал, не учел только того, что северяне не любят перемены и будут ему не рады.

Адансхейл был крепостью в горах. В прошлом гарнизонном для райванской драконьей армии, защищавшим границы во время войны с западной державой, Эреготом, несколько веков назад. Но с тех пор, как королевства подписали мирный договор, необходимость в ней, как в крепости, просто отпала, поэтому огромный комплекс просто простаивал, пока одному из королей не пришлось в голову сгонять сюда несовершеннолетних детей преступников. Чтобы они могли приносить пользу обществу, заодно пополняли ряды армии.

Идея была в общем-то неплохой, если бы таких детей действительно было много. Достаточное количество, чтобы академия могла нормально функционировать для такой махины, а преподаватели — получать хорошее жалование. На деле, судя по документам, здесь училось всего сорок четыре курсанта. Они были разных возрастов, но из тех, кому требовалась жесткая дисциплина. В этом Базиль убедился, когда узнал, что предыдущего ректора курсанты свели в могилу.

Судя по рапорту, зарвавшиеся юнцы решили его напугать. Обрядились простыни, прокрались в ректорские покои и изобразили души павших воинов. Ректор был стар, у него не выдержало сердце, и он сделал свою должность вакантной.

Мало того, что этим мерзавцам было не жаль старого дракона, так они решили повторить тот же трюк с Базилем.

Новый ректор ждал чего-то подобного, поэтому сначала нарушители простояли рядом с его кабинетом до самого рас-

света: после того, как их спеленало парализующее заклинание. Утром остались без завтрака, а после драили замок к приезду короля.

Благодаря тому, что его величество расширил бюджет академии, ее отстроили и отреставрировали, с нового года в Адансхейле училось более двух тысяч курсантов. Среди них были простые парни и сыновья аристократов, они прибыли сюда со всех уголков Райсвании.

Король Равенард позволил Базилю наладить дела в академии, а теперь собирался посмотреть на первые успехи.

Чего Базиль не ждал, так это того, что вместе с королем приедет принц Эдриан.

Они с его высочеством были одного возраста, учились на факультете боевой артефакторики в КАА и в юности вращались в одних кругах. Базиль был из древнейшего рода, если бы не проклятие, его старший брат, Адарен, претендовал бы на престол. А принц в юности любил кутить в компании аристократов-драконов, поэтому они быстро нашли общий язык и стали друзьями.

Правда, ненадолго.

Камнем преткновения в их дружбе, как ни странно, стала одна девушка, но вовсе не в романтическом смысле, когда два дракона сражаются за благосклонность красотки. Если честно, сейчас Базиль даже имени ее не помнил. Но именно та девица заставила его навсегда отказаться от компании Эдриана.

Веррес любил женщин и никогда этого не скрывал. Но ему нравилось доставлять им удовольствие, и уж тем более ему никогда не приходилось кого-то силой тащить в постель. В этом просто не было необходимости. А вот принц, как оказалось, любил боль, но еще больше ему нравилось причинять ее тем, кто не может ему ответить.

Тот случай произошел на третьем курсе. Они тогда отправились в загородный особняк лорда Уилмора. Выпили столько алкоголя, что даже дракона срубят. А проснулся Базиль от женских криков.

В гостиную, на диване которого он вырубился, вбежала хорошенькая девушка. Корсаж ее платья был разорван, она дрожащими пальцами пыталась его вернуть на место и прикрыть светлую кожу.

— Помогите! — прорыдала девушка и упала перед ним на колени. А в следующий миг в двери ввалился нетрезвый Эдриан.

— Вот ты где! — рассмеялся он, сделал несколько шагов и потянулся к девушке. — Я еще не кончил!

Она вскрикнула, корсаж скользнул вниз, и Базиль заметил на белой коже синяки.

Кажется, алкоголь мгновенно выпарился из его сознания, потому, что на шее принца захлестнулась боевое заклинание удавки.

Эдриан тут же упал на колени, пытаясь создать контрзаклинание, но Базиль был лучшим студентом на курсе. К то-

му же, его тренировал сам Адарен.

— Ты что творишь, Веррес? — прорычал принц. — Нападаешь на принца из-за какой-то проклятой шлюхи? Мы просто играли!

— Для тебя это была игра? — поинтересовался Базиль у девушки, и она яростно замотала головой. — Игрой, ваше высочество, считается лишь действие, когда все его участники подписываются на него добровольно.

— Я принц! — пьяно взревел Эдриан.

— Ты трус и ничтожество! — выплюнул Веррес и вырубил его с помощью кулака.

Базиль тогда здорово рисковал, потому что Эдриан мог пожаловаться венценосному папочке. Но то ли его высочество тогда перепил и все забыл, то ли решил никому не рассказывать про свой позор. Никаких санкций не последовало.

Базиль помог девушке, которая оказалась воспитанницей лорда Уилмора, сопровождал к ее тетке, а в компании принца больше не появлялся.

Конечно, высшее общество Арминбурга настолько тесное, что иногда Верресу приходилось с ним сталкиваться. В частности, на их общей помолвке с Золотком, поскольку тогда они еще не знали, кто из них троих является истинным Айрис.

И теперь Базилю приходилось встречать и общаться с королевской семейкой: это входило в его обязанности как ректора. Он лично провел его величеству экскурсию по крепо-

сти, показал учебные корпуса и полигон. Они посмотрели на построения, а затем король произносил речь перед курсантами. Эдриан же остался стоять рядом с ректором.

— Как это на тебя похоже, Веррес, — с гадкой улыбкой произнес он. — Променять жизнь в столице на... это, — он кивнул на строгие ряды курсантов.

— Они скоро станут лучшими воинами королевства.

— Похвальное рвение. Я даже приставлю тебя к награде, если ты создашь для меня лучшую армию.

— Ты? Пока что королевством правит твой отец.

— Пока что, — хмыкнул Эдриан. — Но рано или поздно я сменю его на троне. Отца все устраивает, а вот я считаю, что Райсвании нужны новые территории и ресурсы. Поэтому *мне* нужна армия.

Принц отошел в сторону, а Веррес нахмурился. Потому что он согласился на должность ректора военной академии для того, чтобы выковать из зеленых юнцов настоящих защитников своего королевства.

Эдриан же только что сообщил, что ему нужны бойцы для того, чтобы развязать войну с соседними государствами.

Электра Эджертон

Сама того не зная, ее величество Алианна все-таки подарила мне надежду и развернула мои мысли в нужном направлении. Пока Эдриан отсутствовал, я успела составить план действий, и первым пунктом там стояло: найти способ вытащить Кен Джу. Я понимала, что мне нужен союзник. Тот, кто поможет ему сбежать вместе со мной, и это, пожалуй, было главным пробелом в том, что я собиралась сделать. Как найти союзника среди тех, кто ненавидит меня и боится Эдриана?

Это казалось невозможным.

Осенними вечерами я сидела у окна, глядя на заливающий столицу дождь и перебирая варианты, пока однажды меня не осенило. Это произошло туманным пасмурным и таким темным утром, что просыпаться категорически не хотелось.

Служанки, как всегда, пришли растолкать меня к завтраку: принцем было дано строгое указание — следить, чтобы я не смела голодать, не смела изнурять себя чем бы то ни было. В общем, о сохранности своей игрушки Эдриан заботился, и заботился со всей тщательностью. Его любимая кукла всегда должна была быть красиво одета, ее волосы должны были быть уложены, а еще она должна была есть, чтобы не

зачахнуть с голода.

Тем утром я ушла в ванную, а они принялись застилать мою постель, попутно болтая обо всем подряд. Я не особо прислушивалась, потому что привыкла к тому, что я для всех нечто среднее между красивой коллекционной куклой и мебелью. Чего я только не наслушалась за это время: про лакеев, изменяющих женам с горничными, про лакеев, которые крутят романы с горничными, а потом изменяют с другими горничными. Про то, как интересно и приятно трогать себя *там*, когда никто не видит.

Гораздо более *приятно*, если верить тем же служанкам, чем близость с мужчинами.

В общем, информация уже воспринималась мной как фоновый шум, как звук экипажей и карет, когда вдруг я услышала то, что заставило мое сердце забиться чаще.

Потому что сквозь шум воды до меня донеслось:

— Говорят, маркиз Роуэлл во всеуслышанье заявил, что его высочество Эдриан, — горничная понизила голос и добавила заговорщицким шепотом, мне даже пришлось прикинуть к двери, не выключая воду, чтобы это расслышать: — Шлюхан! За то, что его высочество обесчестил его невесту.

— И что же его высочество?

— Что-что. Маркиза изгнали из дворца еще до начала осени. Как будто ты не слышала. И вот теперь он возвращается! Говорят, его отец, герцог, упросил его величество допустить сына во дворец, где он должен публично извиниться перед

принцем. Не знаю, что из этого выйдет... но видимо, его высочеству хочется отыгаться.

Я судорожно вздохнула: это ли не мой шанс? Если Роуэлла снова допустят ко двору... возможно, он согласится стать моим союзником. Поможет мне с Кен Джу.

Его отец герцог Роуэлл, а следовательно, у него могут быть выходы на военных и на стражу. Значит, я могу попробовать.

И да, это был огромный риск. Гораздо больший, чем с ее величеством. Потому что если с матерью Эдриан разрешил мне общаться сам, то здесь он просто меня убьет. Или заставит делать то, о чем я очень сильно пожалею.

Но кем я буду, если не попробую? Чем скорее я окажусь в академии, тем лучше. А связи отца Роуэлла с военными помогут мне не только с Кен Джу, они помогут мне и с направлением в Адансхейл. Потому что иначе спрятаться там не получится.

Мне нужны бумаги. Бумаги, которые подпишет кто-то очень влиятельный.

Кто не побоится пойти против Эдриана.

Эта мысль взбудоражила меня настолько, что несколько дней я летала как на крыльях. Пока ко мне опять не появился принц, но даже его действия в этот раз не смогли ввергнуть меня в пучину отчаяния. Потому что я видела выход.

Впервые за долгое время я видела выход по-настоящему: не в расплывчатых туманных планах, в которых я сбегая в неизвестность, не в пунктах, которые раз за разом прокру-

чивала в своей голове.

Я видела всего лишь первые шаги, но ничто не вдохновляет так, как эти видимые первые шаги, как открывающаяся дорога.

Поэтому я делала все, что говорит Эдриан. Вела себя как паинька. И ждала момента, когда маркиз появится во дворце. Прислушивалась к разговорам служанок, и, наконец дождалась.

Те же девушки, которые всегда прибирали мою комнату, собирали меня и делали мне прическу, снова заговорили о Роуэлле. На этот раз — о том, что он появился во дворце, чтобы иметь возможность составить достойную пару уже другой юной леди. Потому что ту девушку родители якобы увезли из столицы и отдали в монастырь.

Дело оставалось за малым: договориться с маркизом. Ну и найти способ проникнуть к нему в покои, когда никто не видит.

У любой нормальной леди от такого случился бы обморок, но я не была нормальной, и, благодаря Эдриану, леди в принципе тоже. Так что я ставила на эту встречу все, и надеялась, что чувство, с которым он наградил принца характеристикой, подходящей ему идеально, до сих пор в нем живо.

Добраться до покоев маркиза мне помогло изучение часов, когда сменяется караул, коридоров, по которым в определенные часы можно пройти и никого не встретить, а еще мое умение ориентироваться во дворце.

Да, я не могла свободно по нему перемещаться, но я изучала его, когда гуляла снаружи, в парке, сопоставляя стороны света, виды из своего окна, даже расположение созвездий ночью. Поразительно, как много всего может дать образование, которое, как многие считали, леди вообще ни к чему.

Поэтому когда я слышала от служанок:

— Говорят, ему отвели южные покои в гостевом крыле, я сразу поняла, куда мне идти.

Ночью, когда дворец спал, я осторожно выглянула в коридор и, убедившись в том, что путь свободен, выскользнула из своих покоев.

Я шла босиком, потому что даже мягкие туфли могли меня выдать, и холод камня впивался в мои ступни острыми иглами. В другой раз я бы наверняка замерзла, но не сейчас. Сейчас во мне бурлило столько адреналина, что закипала кровь.

Я прошла множество поворотов, галерей и анфилад, прежде чем оказалась в нужном мне месте. Перед нужной дверью. Толкнув которую, я очутилась в комнатах маркиза.

Роуэлл, высокий молодой человек, которого я уже видела на балах, не спал. Повернувшись ко мне, он изумленно вскинул брови.

— Пожалуйста, — тихо сказала я. — Мне нужна ваша помощь. Выслушайте меня, и если у вас не окажется желания мне помогать, я уйду. Но сейчас вы единственный, к кому я могу обратиться.

— Почему я? — изумился маркиз.

— Потому что вы ненавидите Эдриана.

Он вздохнул: устало и как-то обреченно. Подошел к тумбочке, налил себе воды и залпом опустошил стакан.

— Чего вы хотите? — спросил, повернувшись ко мне. — Что я вообще могу сделать?

— Вы сын герцога, вы можете многое! Меня здесь удерживают насильно, принц удерживает меня насильно. Мне нужно, чтобы вы помогли сбежать моему другу, который в неволе исключительно из-за меня. А еще...

— Не стоит раскрывать мне все свои планы, леди Эджер-тон, — неожиданно перебил он и поморщился.

— То есть?

— Даже если бы я и хотел вам помочь, я не могу.

— Не можете?

— На кону репутация моей семьи, которая и так основательно пострадала из-за моего опрометчивого поступка.

— Вы сказали правду! — воскликнула я. — И я искренне сочувствую вам, вы и ваша невеста не заслужили такого.

Роуэлл снова поморщился и отвернулся к окну, и у меня упало сердце.

Я поняла, что несмотря на все, он не готов мне помогать. Не готов обращаться к отцу ради меня.

Как раз в тот момент, когда я об этом подумала, за моей спиной хлопнула дверь. Я обернулась и похолодела от ужаса: передо мной стоял Эдриан.

Электра Эджертон

— Так-так-так, моя дорогая невеста, и что же мы делаем ночью, в спальне мужчины? — уточнил он тем самым тоном, от которого любая леди хлопнулась бы в обморок.

К счастью, я была уже достаточно натренирована встречами с тем же Эдрианом, чтобы остаться на ногах. Не заработать сердечный приступ и не начать трястись, как немногочисленные оставшиеся на деревьях листья на ветру.

— В гости зашла.

Я понимала, что отпираться бесполезно. Бесполезно говорить что бы то ни было. Эдриан играл со мной, он поставил на меня капкан, в который я опрометчиво попала.

Потому что слишком расслабилась, потому что поверила в то, что смогу сбежать и начать новую жизнь. Там, где меня никто не найдет и искать не будет. Новую жизнь подальше от столицы и от него.

Увы.

— Дерзишь? — усмехнулся принц, приближаясь. Его глаза опасно сверкнули, но я только вскинула голову. — Отлично. Мне это нравится. Потому что в последнее время ты была такой паинькой, что аж тошно. А впрочем, и в постели ты применяла эти нимайские приемчики, верно?

Его лицо исказилось от злобы.

— Кто вам такое сказал? — Я снова ощутила эту ледяную, сжимающую сердце руку.

Потому что Нимай — родина Кен Джу. И я не хотела, чтобы у принца вообще мысль поворачивалась в его сторону.

— Ваше высочество... — начал было Роуэлл, но Эдриан перебил его взмахом руки.

— Я не разрешал тебе говорить. И я еще тебя не простил.

— Я же уже сказал, что я сожалею! — воскликнул маркиз. — И я согласился позвать вас через артефакт, если ваша невеста придет, вы обещали...

— Я, — зло перебил его Эдриан, — ничего тебе не обещал. Кроме того, что тебя не обвинят в измене и не закроют где-то похуже монастыря, в котором закрыли твою невесту. Но знаешь, что? Ты подал мне отличную идею! Отправим тебя в академию Адансхейл. Будешь служить, ты ведь не служил, Роуэлл? Твоему отцу удалось избавить тебя от этого.

— Но я... я не выживу там... — У маркиза задергалась верхняя губа, и тоненькие усики над ней запрыгали.

— Замолчи, или следующим пунктом твоего назначения станет не военная академия, а плаха.

Маркиз сглотнул.

— Что же касается тебя... шагай!

Он вернулся к двери и распахнул ее так резко, что только чудом не сорвал с петель. Я вышла, не чувствуя ни ног, ни рук, ни даже биения сердца. Потому что все внутри меня словно заледенело, даже мысли. Любые предположения о

том, что будет дальше.

Что могло бы быть.

И как теперь все повернется.

Эдриан позаботился о том, чтобы нас никто не видел, но от этого было не легче. Я шла как на плаху, потому что знала, что ничего хорошего от Эдриана ждать не приходится. От него и в лучшие дни не приходилось ждать ничего хорошего, что уж говорить о том, что произошло сейчас.

— Итак, Электра, — захлопнув дверь моих покоев, произнес принц. — Начнем сначала: ты хотела от меня сбежать?

— А вы бы не хотели? — устало спросила я. — Не хотели бы сбежать от того, кто обращается с вами, как... как с вещью!

— Это я обращаюсь с тобой как с вещью?! — прошипел он. — Да ты просто неблагодарная! После того, что сотворил твой дед, ты могла бы пойти по рукам! Закончить свои дни в публичном доме или на каторге, где, поверь мне, надсмотрщики не так щепетильны, как я!

— Я предпочла бы вам даже надсмотрщиков! — выплюнула я, и принц изменился в лице.

— О, ты даже не представляешь, что я могу с тобой сделать.

Слава Всевышнему, я увела его мысли от Кен Джу. Он о нем даже не вспомнил.

— Ты переезжаешь в мой личный дворец. Будешь развлекать меня и моих друзей, — холодно усмехнулся он. — А по-

том расскажешь снова, кто же все-таки лучше. Я или «надсмотрщики».

Впоследствии я снова и снова, раз за разом задавалась вопросом: знал ли дед о том, каков Эдриан на самом деле? Потому что одно дело пытаться уничтожить древний род герцога Верреса, совсем другое — издеваться над родной кровью. Отдать ее в руки тому, кто будет творить с ней... всякое. Хотя я уже мало что понимала в происходящем. И, с наибольшей вероятностью, дед все прекрасно знал. Мужчины же общаются в своих мужских клубах, а Эдриан никогда не стеснялся и не скрывал все свои похождения и пристрастия. Хотя об этом не было известно всем, я имею в виду, народу и среднему классу, многие в высшем свете наверняка были в курсе. А дед так вообще везде имел своих шпионов.

Или же все мужчины такие?

Я начинала склоняться ко второму. Потому что друзья принца Эдриана, которым я прислуживала полуобнаженной, пришли в восторг от его затей. Им строго-настрого было запрещено меня касаться, когда я во фривольной одежде, в чулках и туфлях с неприлично высокими каблуками разносила им горячительные напитки и подавала закуски.

Мне, как бы иронично это ни звучало, повезло: в том, что Эдриан был собственником и просто сломал запястье одному из своих дружков за то, что тот положил руку мне на бедро. С тех пор попыток от других больше не было, но это не мешало им смотреть. Лапать меня глазами, скользить саль-

ными взглядами по моей груди, которая почти вываливалась из корсета, по ногам, по бедрам.

После таких вечеров мое лицо горело не только от макияжа, который я пыталась оттереть, но и от стыда. От позора, на который я была обречена теперь уже, по всей видимости, до конца жизни.

Эта мысль посетила меня после одного из таких «праздников», развлечений, которые Эдриан регулярно устраивал своим друзьям-собутыльникам. Никогда бы не подумала, что аристократы могут напиваться до свинячьего состояния, а после творить непотребства с девушками, которых специально для такого привозили во дворец Эдриана.

Он сам не участвовал в оргиях, но меня заставлял смотреть, усаживая к себе на колени и лапая за грудь, до боли сжимая соски и выкручивая их — так, что они потом болели по несколько дней. Девушки-куртизанки считали, видимо, что я одна из них, да и любой бы считал именно так, потому что под слоем румянов и белил меня не узнал бы даже дед. Никто не узнал бы.

Отныне я уже не могла отрешаться от происходящего: Эдриан сказал, что если еще раз увидит, что я пытаюсь войти в транс, отрежет Кен Джу не только все пальцы, но и уши, и заставит слуг подать их мне с гарниром.

Со мной творились странные вещи, и дело было не только в том, что делал Эдриан. Я начинала ненавидеть людей. Я вздрагивала от шорохов и шагов. Я каждый день ждала

подвоха, я чувствовала, как все внутри сжимается, когда ко мне приближаются горничные. Я ненавидела всех и вся, кто молчит и опускает взгляд, когда мой тюремщик надо мной издевается.

Я не хотела быть такой, но я не могла иначе.

Я чувствовала, что опускаюсь на самое дно. Становлюсь зверем. Что еще немного — и я стану как Эдриан.

Злой. Бесчувственной. Психопаткой.

Поэтому когда меня в очередной раз собрали на один из таких вечеров — разнообразия ради, в шикарное тяжелое ярко-красное платье, с таким огромным кринолином, что в нем даже двигаться было сложно, я ускользнула из своих покоев наверх.

На крышу его дворца.

Из глаз текли слезы, которые тут же остужал мороз, показывающий мои щеки кристалликами льда: зима уже вступила в свои права и впивалась холодом в мои обнаженные плечи. Я двигалась, как в тумане, судорожно, рваными рывками глотая холодный воздух, обжигающий легкие.

Меня даже не знобило

Когда услышала за своей спиной резкий сильный голос:
— Леди Эджертон! Стойте!

Электра Эджертон

Я обернулась и попятилась, потому что стоявший передо мной мужчина был не кем иным, как главой королевской гвардии. Я видела этого человека мельком: высокий, широкоплечий, с тяжелым взглядом, он, кажется, был единственным, кто не пасовал перед Эдрианом и его отцом. Но мне такая встреча точно ничего хорошего не сулила, потому что я опять сбежала вместо того, чтобы покорно дожидаться Эдриана или слугу, который за мной придет, в своей комнате.

— Стойте, — повторил он, когда я сделала еще несколько шагов назад. — Я здесь, чтобы помочь вам.

Я рассмеялась, и это уже действительно напоминало сумасшествие. Возможно, я начала сходить с ума, и сошла... и все это мне мерещится.

Эта крыша, этот человек с седыми волосами в мундире королевской гвардии с высшими знаками отличия. И даже я сама...

— Электра, — он назвал меня по имени, увидев, что я не собираюсь останавливаться, — это не ложь. Я хочу помочь вам сбежать, но действовать надо быстро. Прямо сейчас.

Я чуть было не расхохоталась снова, но во мне больше не осталось ни смеха, ни слез. Только горечь разочарования.

Кен Джу говорил, что я боец, но я не прошла проверку,

никакой я не воин. И не драконесса. Я не смогла справиться с тем, что приготовила мне судьба.

— Думаете, я бы все еще была здесь, если бы не мой друг?
— холодно спросила я. При всем при том, что произошло, мой голос звучал на удивление спокойно и холодно.

— Нет, не думаю. Я прекрасно знаю, что вы могли сбежать, и я прекрасно знаю, что вы отлично изучили расписание моих подчиненных. Как вы это сделали. Я прекрасно знаю, что причина того, что вы до сих пор здесь — в вашем нимайском друге. И это как минимум достойно уважения.

Он смотрел на меня в упор, и его слова звучали так опасно... опасно, потому что мне хотелось в них верить.

— Вы допустили ошибку, когда доверились Роуэллу, но мне вы можете довериться, Электра. Я действительно хочу вам помочь.

Я сглотнула, а мужчина, видимо, осознав, что я больше не двигаюсь, кивнул.

— Расскажу коротко, о чем речь. Герцог Роуэлл категорически против того, чтобы отпускать сына в Адансхейл. Маркиз там не выживет. Он оттягивал момент его отъезда как мог через все свои связи, Роуэл уже «ломал руку», простужался и так далее. Но недавно принц Эдриан поставил вопрос ребром: или маркиз едет в академию, или в тюрьму Дюбон, где проведет двадцать лет. Разумеется, выбор очевиден, но... герцог попросил меня ему помочь и найти замену сыну, которого они временно укроют у родственников в провин-

ции. Дело в том, что маркиза мало кто знает, он первый раз появился при дворе в этом году и обладая непримечательной внешностью и забитым характером, никому особо не запомнился. Честно говоря, когда он бросил принцу в лицо оскорбление при его камердинере, в это мало кто мог поверить. Но все случилось так, как случилось. И это ваш единственный шанс: отучившись в Адансхейле какое-то время, вы получите возможность начать жизнь заново, особенно если будете откладывать стипендию Роуэлла на черный день. Как я уже сказал, я за вами следил, леди Эджертон, и я заметил, что в вас есть тот самый стержень, который поможет вам не сломаться и выжить даже в военной академии, на Севере.

Это напоминало насмешку судьбы. Издевательство. Или реальный шанс?

Потому что я сама думала о том же самом и волей судьбы тот, кто сдал меня Эдриану, чтобы получить его прощение, так или иначе становился моим спасением.

Стал бы... но...

— Как вы правильно сказали, я могла бы сбежать сама. Но у меня есть тот, кого я не смогу оставить.

— Мы освободим его сегодня, если вы дадите согласие. Он сможет даже сопровождать вас, как камердинер Роуэлла. На него тоже оформим все бумаги. Если вы сомневаетесь, не стоит. Роуэлл не из тех, кого могут узнать военные, за сыном герцога закрепились репутация слабака, всеми силами стремящегося откосить от военной службы. Решайтесь! —

Мужчина бросил взгляд за мою спину, а после вновь посмотрел мне в глаза. — Второго шанса не будет, Электра. Эдриан поднимет на уши всех, когда узнает про ваш побег, но вряд ли ему в голову придет мысль про Адансхейл.

Да ему в голову вообще ничего кроме разврата и жестокости во всех направлениях не приходит.

— Зачем это вам? — тихо спросила я. — Вы давали клятву королю...

— Я давал клятву защищать королевскую семью, — сухо произнес мужчина, — а не наблюдать, как сильные издеваются над слабыми. У нас с вами есть примерно полчаса, и каждую минуту нашего разговора мы теряем время. Поэтому скажите: да или нет, леди Эджертон. И если да, вам надо срочно вернуться к себе и переодеться.

Все внутри меня перевернулось.

Это было настолько хорошо, настолько, что я не могла поверить в слова этого мужчины. Что, если это очередная игра Эдриана?

Но что... если это правда, и мы с Кен Джу будем свободны?

Пусть лучше я жестоко ошибусь еще раз, чем позволю своим страхам из прошлого лишиться себя и Кен Джу свободы.

— Да, — ответила я, и его суровый взгляд на мгновение смягчился.

— В таком случае, леди Эджертон, отойдите от края крыши и следуйте за мной.

Он протянул мне руку, но я не смогла себя заставить коснуться мужских пальцев. Прикосновения Эдриана до сих пор отзывались во мне ознобом, дрожью и подсознательным страхом. Очевидно, глава королевской гвардии это понял, потому что не стал настаивать.

— Обрежьте волосы, — наставлял меня он, — но не коротко, примерно по плечи. Общий образ маркиза нужно соблюсти, вряд ли кто-то вспомнит его черты, но издалека его могли видеть.

Я слушала, и его слова отзывались во мне странными чувствами. С одной стороны, я до сих пор до конца не могла поверить, что все это правда, с другой... кажется, я скоро и правда стану свободна.

От осознания этого сердце забилося с такой силой, что мне стало нечем дышать. Пришлось практиковать нимайское дыхание: медленные вдохи и выдохи с равнозначными паузами. Не хватало еще хлопнуться в обморок в двух шагах от новой жизни.

Стоило нам покинуть крышу, как меня сдали на руки гвардейцев, а сам мужчина исчез. Они проводили меня до комнаты, где меня дожидался костюм гвардейца и кинжал. Эдриан позаботился о том, чтобы у меня в покоях не было острых предметов и даже зеркал: очевидно, опасался того, что его игрушка может совершить глупость и попытаться сбежать от него иным образом.

Впрочем, ни об этом, ни о нем сейчас не хотелось ду-

мать. Я быстро разобрала прическу и обрезала волосы наугад, перешагнув через длинные пряди, как через свое прошлое. Впрочем, переодевшись, все же собрала их в наволочку: не стоило оставлять такие опасные улики.

Стоило мне убрать последний локон и туго стянуть ткань, как в дверь постучали.

За мной пришел очередной гвардеец, взгляд которого зацепился за мою грудь. Ну да, мундир едва на мне застегнулся, и я понимала, что с этим придется что-то делать — в частности, можно использовать бинты, как делала та, о ком я читала. Но сейчас я просто прижала импровизированный тук с обрезанными волосами к груди и направилась следом за мужчиной.

Меня вывели через черный ход и посадили в карету, где на жестких скамьях не было ни единой подушки. Я успела только заметить, что это почтовый экипаж, когда дверца в карету распахнулась, и туда поставили сундук.

После чего раздался окрик:

— Трогай! — и она застучала колесами по камням подъездной дорожки для торговцев, поставляющих в замок продукты. Первый шок миновал, и я в ужасе бросилась к окну, чтобы остановить кучера, когда крышка сундука откинулась, и я увидела Кен Джу.

Глава королевской стражи не соврал: он действительно освободил меня и его. В этот момент во мне кончились силы, и я бы повалилась на сиденье, если бы нимаец меня не под-

хватил. Взгляд его впервые был таким темным, или мне просто так показалось, в зимних сумерках? Потому что зимой темнело быстро, тьма сожрала дворец Эдриана и всю окружающую обстановку в считанные минуты.

Кен Джу усадил меня на сиденье, сам сел рядом, но не проронил ни слова.

Я тоже молчала. Не знала, что вообще сказать. Все происходящее казалось мне нереальным, а холод в карете кусал меня за плечи и даже за ноги через высокие начищенные до блеска сапоги. Но я не знала, холод ли это, или просто таким образом выходит напряжение: в карете не оказалось артефакта для обогрева.

Не представляю, сколько мы так ехали, в полном молчании, когда карета резко остановилась. Я отодвинула шторку и увидела другую, с гербом герцога Роуэлла, выбитым золотом.

На щите возвышалось дерево, его ствол был вытянут вверх, ветви тянулись к небу, распускаясь золотыми листьями, в которых играли отблески света от фонаря, прикрепленного к карете, внизу начинались такие же золотые корни. Они не заканчивались на границе щита, словно прорывали их, уходили глубже, сплетаясь в сложный узор, напоминающий древние письмена. Щит обрамляли тонкие золотые лозы, мягко обвивающие его края, над гербом была выгравирована надпись: «Корни сильнее меча».

Нас быстро пересадили в эту карету, в которой уже ока-

зался мужчина в черной накидке с капюшоном. Свет в карете был приглушен, поэтому рассмотреть его не представлялось возможным.

— Ваши документы, — хрипло произнес он и протянул мне папку. — На вас и вашего камердинера.

Он вышел, так и не раскрыв своего лица, хлопнула дверца, а после карета Роуэллов тронулась. Я успела только раскрыть папку, чтобы посмотреть, что же мне дали, когда Кен Джу опустился на колени и склонил голову.

Я так опешила, что даже ничего не успела понять, а он уже произнес:

— Я не смог вас защитить, Лун Джу, и должен понести суровое наказание.

Электра Эджертон

Я посмотрела в раскосые темные глаза единственного близкого мне человека, и мне захотелось наказать не его, а Эдриана. Жестоко и сурово, потому что он заслуживал всех кар на свою голову, совершенно справедливо заслуживал. Потому что ему почти удалось меня сломать и сломить. Меня, драконессу, которая когда-то считала себя неприкосновенной.

Я подалась вперед и опустилась на колени рядом с Кен Джу. Тесное пространство экипажа едва позволяло это сделать, но у меня получилось. Я обняла его, прижалась к его груди, словно к отцовской.

— Мы оба уже наказаны, Кен Джу, — прошептала я, чувствуя, как тело моего друга будто превратилось в камень. — Мы стали заложниками амбиций моего деда.

— Но я должен был защищать вас даже ценой собственной жизни.

— Ты и защищал, — тихо напомнила я. — Ты всегда меня защищал. И надеюсь, что защитишь меня вновь. Потому что мне нужна твоя помощь как никогда, Кен Джу. Одна я со всем этим не справлюсь. Мне помогли сбежать, но это вообще ни о чем не говорит. Ничего не значит. Когда принц Эдриан поймет, что его игрушка сбежала, уверена, он будет

меня искать.

У меня пробежал мороз по коже, стоило только представить, что меня ждет, если принц все-таки до меня доберется. Сколько людей и драконов пострадает, пока это чудовище не напьется чужой крови и боли.

— Он будет искать нас, Лун Джу, — поделился своими сомнениями Кен Джу, отстранившись и поймав мой взгляд. — Нимаец и девушка — слишком необычная пара.

— Но маркиз и нимаец — уже не такая необычная. Мои освободители позаботились о нашей маскировке. — Я покосилась на пухлый конверт, который остался лежать на бархате. — Давай вместе посмотрим все документы. Тому, кто меня спас, невыгодно быть раскрытым.

Опыт с Эдрианом поколебал мою веру в драконов и людей. И хотя раньше я считала себя циничной, на самом деле очень быстро осознала, насколько на самом деле наивной я была.

Сейчас я не верила в то, что герцог Роуэлл помог мне из сострадания и сделал все это от щедрот души. Даже по слухам, которые до меня долетали, академия Адансхейл была не самым приятным местом. Герцог боялся отправлять туда своего наследника. Но я бы предпочла даже каменоломни удушающему шелку статуса любимой игрушки садиста.

Кен Джу помог мне подняться, и мы вернулись на свои места. Я чувствовала, что вопрос с наказанием для него пока не закрыт, но обрадовалась подобной передышке.

Моя безопасность была для него приоритетом, а значит, в ближайшее время он не станет возвращаться к этому разговору. До нашего приезда на Север так точно.

Я вскрыла конверт с документами и вытащила из него все содержимое. Сверху лежал сложенный вдвое лист бумаги. Как оказалось, это было письмо от его светлости.

Леди Эджертон, рад, что вы приняли мое предложение, и надеюсь, вы серьезно отнесетесь к своим обязанностям. Все, что от вас требуется, притворяться моим сыном и завершить воинское обучение в академии Адансхейл.

Я знаю, что герцог Эджертон обучал вас боевым искусствам, а значит, ваша основная задача в академии — сохранить свое инкогнито.

Если вас раскроют, полетят головы. Ваша и вашего нимайского друга в том числе. Я рассчитываю на то, что вы осознаете весь риск, на который я иду, помогая вам.

Подозреваю, что вы опасаетесь не добраться до академии. Вашу безопасность в пути я беру на себя. У моего сына с недавних пор тоже есть нимайский слуга, так что вопроса с иностранным происхождением вашего камердинера не возникнет.

У вас будет одежда и все необходимое для обучения в Адансхейле. От вас же требуется просто изображать мужчину и не быть пойманной на лжи и раскрытой.

Уничтожьте письмо после прочтения.

Письмо не было подписано, но я прекрасно понимала, кто

писал эти строки. Я передала листок Кен Джу, и он быстро пробежался по нему взглядом. По мере прочтения его глаза увеличивались в размере, пока не стали такими же, как у западных людей.

— Он хочет, чтобы ты стала как принцесса Тьян?

А я улыбнулась, потому что тоже думала про принцессу-генерала.

— Это цена моей свободы, Кен Джу. И, признаться честно, она мне видится меньшим из зол. Лучше всю жизнь изображать мужчину, чем сидеть в золотой клетке.

— Но ты женщина, Лун Джу, — напомнил мой друг.

— К сожалению, от этого пока одни проблемы, — яростно выдохнула я. — Женщины — слабые, Кен Джу. А я стану сильной.

Путешествие из Арминбурга на Север получилось достаточно долгим: нам пришлось трястись в карете пару недель, прежде чем впереди показался городок Кламарт, ближайший к Адансхейлу. Хотя, возможно, мне казалось, что мы едем туда слишком медленно. Несмотря на слова герцога Роуэлла о том, что он позаботится о нашей с Кен Джу безопасности, прошло несколько дней, прежде чем я перестала оглядываться, вздрагивать от резких звуков или просыпаться ночью от терзавших меня кошмаров.

Но время шло, расстояние между мной и Арминбургом увеличивалось, и в какой-то момент я смогла вздохнуть с облегчением.

Первый этап был пройден.

Оставалась самая малость — обхитрить всех, притворившись маркизом.

Всю дорогу я тренировала свой голос, чтобы он звучал ниже, мужскую мимику и манеру речи. Впрочем, насчет последнего мне стоило сказать «спасибо» деду, потому что будь я трепетной робкой леди, вряд ли бы мне удалось изобразить маркиза. Но даже моя гувернантка, обучающая меня этикету, говорила, что я веду себя как мальчишка.

Я дралась как мальчишка.

Разговаривала как мальчишка.

И увлечения у меня были как у мальчишки.

Только тело женское. Если бы не было этого проклятого тела, Эдриан не делал бы со мной те жуткие вещи. От этого тела одни лишь проблемы!

В мужском мире гораздо проще быть мужчиной. Думаю, принцесса Тьян тоже поняла это в какой-то момент, раз сбежала из дворца и предпочла войну вышивке и танцам.

Кен Джу все это время помогал мне влиться в роль, направлял, подсказывал. Я возобновила тренировки и медитации, подозревая, что в военной академии мне придется несладко: я отставала ото всех на несколько месяцев.

Мы проехали Кламарт с его уютными одноэтажными домиками с красной черепицей и пытящими печными трубами, и копыта лошадей и колеса кареты застучали по выложенному камнем длинному мосту, перекинутому через про-

пасть и ведущему к главным воротам.

Я едва не прилипла носом к стеклу, рассматривая свой будущий дом в зимних закатных лучах.

Передо мной, словно вырубленный в самой скале, возвышался Адансхейл. Его высокие, мрачные стены, казалось, впитывали в себя последние лучи солнца, и только из узких окон-бойниц пробивался тревожный, желтоватый свет факелов. Архитектура крепости была лишена изящества, которое так любили аристократы в Арминбурге, только суровая, функциональная мощь.

Несмотря на длину моста, мы пересекли его очень быстро. Отчего показалось, что махина крепости на меня надвигалась, словно собиралась поглотить. Это вам не Королевская академия артефакторики, больше всего это место было похоже на тюрьму. Но я-то прекрасно помнила, как тюрьма может выглядеть на самом деле. Любое место в сотню раз лучше спальни принца Эдриана!

Я поморщилась и поправила военный мундир, который стараниями герцога Роуэлла подогнали под мой размер. Как и весь гардероб маркиза. Единственное, что мне пришлось бинтовать грудь, чтобы скрыть неоспоримо «выпирающий» факт моей половой принадлежности, но так я чувствовала себя увереннее.

Карету пропустили без вопросов, очевидно, из-за герба герцога, и мы проехали через двойные массивные ворота. Затем дверца распахнулась, и мне в лицо ударил ледяной ве-

тер.

У моей свободы был морозный запах.

— Назовитесь, — грубовато приказал, очевидно, командир часовых, который как раз открыл дверцу. На вид ему было не больше двадцати, и я догадалась, что он может быть одним из курсантов.

Я выпрямилась, выбралась из кареты и спрыгнула на землю, потому что кучер, естественно, не опускал подножку, а высоким ростом я не отличалась.

— Курсант Роуэлл прибыл на службу, — отрапортовала я басом.

— А вы на службу не торопились, курсант, — заржал командир, и его подхватили остальные дозорные. — Опоздали примерно на полгода.

— Теперь я здесь, — заявила, привлекая их внимание. — Кому я должен вручить сопроводительные бумаги?

Это я тоже тренировала всю дорогу — говорить о себе в мужском роде. Если ляпну что-то как леди, то в лучшем случае маркиза сочтут сумасшедшим.

Командир вновь ухмыльнулся и кивнул одному из дозорных.

— Проводи его к декану Виллинсу, Трей. Только придется идти пешком, ваша светлость. Привыкайте ходить ногами.

— Милорд, — машинально поправила я. — Герцог — мой отец, а я — маркиз.

— Да хоть сам король! — заржали все вновь. — Здесь ты

просто курсант. До встречи на полигоне, милорд!

Электра Эджертон

Я сделала вид, что не расслышала в его голосе издевки, хотя не расслышать ее мог только глухой. Я решила, что оставлю все эти мелочи на потом, тем более что это действительно были мелочи. В сравнении с тем, что мне пришлось пережить.

Сейчас для меня самое главное — привлекать как можно меньше внимания, просто учиться и не влипать в неприятности. Чем меньше на меня будут смотреть, тем лучше.

Шагавший рядом со мной Трей на меня вообще внимания не обращал, тем более что он был выше меня на полголовы и основательно шире в плечах. Кен Джу шел следом за мной, но я не оборачивалась. Это Электра Эджертон считала его своим другом, маркиз Роуэлл не должен постоянно озираться, как там его камерист.

Хотя мне очень хотелось.

Потому что мне все еще продолжало казаться, что сейчас из-за какого-нибудь поворота выпрыгнет Эдриан или его гвардейцы и с торжествующим хохотом утащат меня обратно в карету, а потом...

Я зажмурилась, отгоняя жуткие мысли. Все, Электра, хватит!

Хватит!

Мы вошли в замок, поднялись по монументальным ступеням и оказались внутри огромного холла, по стенам которого были развешаны гобелены с изображениями значимых для Райсвании исторических сражений.

Здесь повсюду на посту были часовые, а то, что я приняла за свет факелов, оказалось мощными осветительными артефактами. В милитаризацию Райсвании и впрямь основательно вложились, как будто готовились к войне.

Я отогнала эту мысль, решив сосредоточиться на настоящем.

Мы поднялись по лестнице, миновали несколько коридоров и Трей, махнув рукой нам с Кен Джу, коротко сообщил: — Ждите здесь, я доложу.

И исчез за массивными дверями, из-за которых эхо разносило чей-то сильный голос по залу.

Мы с Кен Джу переглянулись, и он склонил голову, в его внимательном взгляде были участие и поддержка. Не знаю, как бы я справилась без него... Не знаю и знать не хочу. И при первом удобном случае надо помочь ему вернуться в Нимай. Там он точно будет в безопасности.

Закусив губу, я рассматривала строгие стены, на которых не было ничего, кроме тех самых осветительных артефактов. Пока двери снова не распахнулись, и Трей мотнул головой — проходи, а Кен Джу наградил останавливающим взглядом.

Я вздохнула и шагнула в залитый светом зал. Пока мы тут ходили, закатное солнце уже успело свалиться за горизонт, и

сейчас свет от мощных ламп-артефактов освещал ряды сидевших за столами курсантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.